

СОДЕРЖАНИЕ

СЛАДОСТРАСТИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Вступление	6
I	7
II	12
III	16
Заключение	23

ТРУДЫ КЛИНИКИ НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

Предисловие	25
О навязчивых явлениях при шизофрении	26
Конституция наркоманов	48
Биосоциальная проблема алкоголизма	73
К вопросу о пресенильных психозах	88
О симуляции душевных болезней	134
К вопросу о паранойе и параноической конституции	153
Некоторые соображения о хронической и острой паранойях (в связи со взглядами Кречмера и Гауппа)	197
Случай экстрапирамидальной двигательной недостаточности	207
Об эпилепсии и эпилептоиде	212
Основные принципы метода Фрейда и значение его в психопатологических исследованиях	219
Примечания П. Б. Ганнушкина	250

СЛАДОСТРАСТИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Патологические явления есть не что иное, как преувеличенные физиологические явления.

Лобштейн

Болезнь может дать ключ к пониманию многих явлений из области морально-аффективной и интеллектуальной; она раскрывает их истинную природу.

Ж. Моро де Тур

Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению; она иногда даже способствует тому и другому.

Корре

Вступление

Три чувства, совершенно различные на первый взгляд, — злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство¹, — если опираться на множество фактов и соображений, находятся друг к другу в большой близости; тогда, когда возрастает их интенсивность и в особенности, когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ.

Факты и соображения, которые мы позволяем себе изложить, распадутся на три группы: 1) мы должны до-

казать родство религиозного чувства и сексуальной любви; 2) сексуальной любви и злобы; 3) религиозного чувства и злобы. Таким образом, мы сможем доказать родство каждого из этих чувств с каждым другим и тем самым, очевидно, будет доказано родство всех этих чувств в их совокупности; тогда главная часть нашей проблемы была бы решена. Мы заранее согласимся, что для решения нашей проблемы мы не собрали еще достаточно фактов, но мы полагаем, что основное состоит не столько в количестве фактов, сколько в том, что они нам говорят.

I

В Риме, в церкви Сайта Мария делла Виттория, находится группа Лорецо Бернини, неаполитанца (1598–1680), в которой изображена святая Тереза, лежащая без сознания на мраморном облаке, и ангел, который готовится пронзить ее сердце стрелой мистической любви. «Нет необходимости разъяснять, — говорит по поводу этого сюжета Любке, — что религиозный экстаз в этом случае представлен характером чувственности не потому, что художник так хотел, но в силу естественного психологического состояния, которому обычно подвластна чрезмерная религиозность».

Если мы попытаемся найти происхождение этой атмосферы, насыщенной сладострастием, то мы должны будем признать, что ее зародыши отчетливо видны во всех последних работах Корреджо, где взгляды мадонн и святых имеют слишком земное выражение».

Таким образом, идея родства религиозного чувства и чувства сексуального² проникла также в искусство³

Если бы мы хотели исследовать, в какую эпоху эта идея начала реализоваться, мы должны были бы обратиться к той отдаленной древности, может быть, даже к тому времени, когда религиозное чувство только еще народилось у человека. «Глубокая древность, — говорит Моро де Тур,⁴ — связывала с религиозной идеей признаки, которые теперь кажутся нам непристойными или смешными...

Вавилоне, в Финикии, в Армении и др. все женщины должны были принести любовную жертву на специальном алтаре⁵.

Такой обычай существует еще и в наши дни во многих провинциях Индостана, Цейлона, в Полинезии, в частности на Таити. Египтяне, греки, римляне имели множество праздников, где царил разнузданный разгул. В наши дни в Индии, где религиозные традиции сохранились во всей их чистоте, праздники, которые носят имя «праздники Сакти-Пудия, или мистерии всеобщего оплодотворения», воспроизводят все, что можно вообразить, все противоречивые гнусности, окруженные всей помпой индусских церемоний».

В средние века существовала целая серия религиозных фанатических сект, в которых характерным образом сочетались религия и любовь. Так, николеты проповедовали отсутствие всякого стыда в сексуальных функциях и учили, что страсти, даже самые низкие и грубые, полезны и святы; адамысты учили, что стыдливость должна быть пожертвована богу; наконец, мы должны упомянуть еще об одной эротической секте, пикардистов, которые позже появились во Франции под именем «насмешников» («turlupins»)⁶ Можно проследить существование подобных сект до нашего времени. Так, Ева Батлер (XVII–XVIII столетия) основала в Гессене «секту религиозных филадельфийцев», которая проповедовала воссоединение духа

и тела; в начале XIX столетия пасторы Эбель и Дистель основали в Кенигсберге секту «баб» («moukkers»), которую обвинили в том, что под маской религии она скрывала разврат; такова же природа секты «хлыстов», еще и ныне существующей в России, члены которой во время их религиозных церемоний, называемых «радения», впадают в экстаз, в котором они предаются необузданному разврату. Жизнь монастырей чрезвычайно богата примерами, когда не только усердно молятся, но когда при случае предаются самым экстравагантным оргиям, где религиозное мистическое единство полов приводит к соединению менее духовного порядка.

Не без оснований во многих странах до настоящего времени существует слух, будто тот или другой женский монастырь соединен подземным ходом с соседним мужским монастырем⁷. Жизнь святых⁸ не имеет недостатка в примерах, когда сексуальный инстинкт занимает господствующее положение. Так, фанатик Ловат, который себя распял в Венеции в 1805 г., отрезал половые органы и выбросил их в окно. Монашенка Агнесса Бланк-бекен была постоянно томима идеей узнать, что стало с частью тела Иисуса Христа, удаленной при обрезании. Святая Екатерина Генуэзская часто страдала таким внутренним жаром, что для того, чтобы немного успокоиться, она ложилась на землю и кричала: «Любви, любви, я больше не могу!»

Она была настолько сильно привязана к своему духовнику, что когда однажды приблизила свой нос к его руке, она испытала такой запах, который проник в ее сердце: «Божественный запах, — говорила она, — который может пробудить будить мертвых». Святая Армелль и святая Елизавета страдали от любовного огня. Наконец, хорошо известны мучительные искушения сексуального характера, от которых страдали святые, как, например, святой

Антоний Отшельник. Можно без труда привести большое число подобных примеров.

Врачи и особенно психиатры давно уже уделяют внимание близости религиозных и половых чувств; психиатры, больше чем кто-либо другой, смогли установить связь этих феноменов. Время более выраженного религиозного чувства есть время полового развития (Нейман, Крафт-Эбинг), когда новые и незнакомые сенсации требуют какой-то объективации (Крафт-Эбинг).

«Религиозный фанатизм, — говорит Модели⁹, — одетый в болезненную форму, часто сопутствует болезненному сладострастию, тогда как у некоторых женщин и особенно у незамужних и бездетных религиозная диспозиция бывает связана с болезнями матки». Связь между религиозной экзальтацией и сексуальным возбуждением была отмечена Фридрейхом, Мейнертом¹⁰, Марком, Режис, Луазо, Бронардель, Ломброзо, Балль, Моро¹¹ и др. Религиозное помешательство (паранойя религиоза) очень часто связано с болезнями половых органов и в клинической картине этого помешательства галлюцинации сексуального характера, мастурбация и всякого рода сексуальные эксцессы занимают настолько заметное и постоянное место, что на это можно найти указания в каждом элементарном руководстве во психиатрии. Фридрейх¹² приводит случай религиозной меланхолии; этот больной до начала заболевания и в течение его страдал очень частыми поллюциями; когда поллюции прекратились, закончилась и психическая болезнь. Икар¹³ приводит серию наблюдений религиозного помешательства, которое совпадало или со временем полового созревания, или с началом месячных, или с их временной задержкой, или с менопаузой.

Два следующих наблюдения очень показательны для случаев, которые нас интересуют.

«I. Религиозный энтузиазм, галлюцинации, желание уйти в монастырь и другие психические нарушения возникают периодически у особы, менструации у которой возникли в 18 лет и вначале были скудными, а годом позже полностью прекратились. Продолжительное лечение болезни матки сразу же привело к возобновлению регул и вернуло прежнее здоровье»,

«II. Девушка двадцати лет после полной задержки месячных впала в религиозную экзальтацию и стала очень возбужденной. При соответствующем лечении месячные вернулись и постепенно наступило выздоровление».

«Связь между религиозным помешательством и половыми органами, — говорит Фридрейх, — настолько очевидна, что даже те вещества, которые влияют на половые органы, могут провоцировать психическое заболевание, как, например, дурман. Соваж сообщает о нескольких интересных наблюдениях, которые возникли при употреблении этого растения и которые проявились главным образом в форме религиозно-мистического помешательства». Задержимся в области психиатрии еще на двух примерах, которые, в силу их рельефности, едва ли имеют им равные. В первую очередь это молитва одной истерички, о которой сообщает также Фридрейх. Эта молитва адресована святому Эммануилу: «О! Если бы я тебя нашла, божественный Эммануил, если бы ты был распростерт на моей кровати, мое тело и моя душа возрадовались бы; приди, и чтобы мое сердце послужило бы тебе убежищем, возложи свою голову на мою грудь» и т. д. Другое наблюдение, еще более интересное, сообщено Моро де Туром в его известном сочинении *La psychologic morbide*. Он цитирует письма больной М. Х., которая пишет о любви божественной, которая пронизывает и воспаляет все части ее тела и ее душу. «...Однажды ночью, проснувшись, я почувство-

вала как бы оборвавшееся наслаждение, мои руки, как бы сами по себе скрестились на моей груди и я в страхе ожидала, что скажет Господь. Я его увидела очень отчетливо таким, каким он описан в Песне песней, но полностью обнаженным. Он простерся около меня, его ноги были на моих, его руки скрестились с моими, разорвав свой терновый венок, он прижал мою голову к своей; затем, в то время, когда я почувствовала боли от его гвоздей и терновых игл, его губы коснулись моих и мне был дан божественный поцелуй, поцелуй божественного супруга, ондохнул мне в рот дивным дыханием, которое влило во все мое существо освежающую бодрость, радостное несравнимое содрогание».

Мы не должны удивляться баронессе Крюденер, которая то восклицала: «Любовь, это я», то «Небо, это я».

Не должны удивляться и больной Мореля, на которую ссылается М. Ритти (*La folie a double forme*), которая была по очереди то религиозной, то проституткой; связь между рассмотренными феноменами настолько постоянна, что, по мнению Балля¹⁴, «можно было бы думать, что основа обоих феноменов — одни и те же клетки».

II

Если идея о наличии родства между религиозным и сексуальным чувствами сравнительно меньше проникла в искусство, если эта идея сравнительно меньше обработана поэтами и художниками, то совершенно иначе обстоит с вопросом об интимности сексуального чувства и жестокости. Если живопись, скульптура и поэзия, современные роман и драма часто обращаются к этому вопросу, если они широко затрагивают эти мотивы, то о них бессмыс-

ленно говорить в небольшой статье, поскольку имеется достаточно материала для целой книги. Сама история дала нам слишком поразительные примеры близости между жестокостью и сладострастием для того, чтобы можно было бы рассмотреть их детально¹⁵.

Мы удовольствуемся материалом, который нам доставляет криминальная психопатология и антропология. Можно считать установленным, что у очень большой части людей зло, которое они причиняют другим¹⁶, вызывает у них чувство сладострастия; с другой стороны, не нужно рассматривать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Эти два основных положения позволяют нам констатировать непрерывность между нормальными сексуальными функциями и фактами из сексуальной жизни¹⁷, которые известны в специальной литературе под именем садизма, активной алголагнии, лягненомании, эротического тиранизма и т. д.

Сексуальное чувство, половой акт могут сочетаться с жестокостью тремя способами: 1) жестокость следует за копуляцией; последняя не дает удовлетворения и субъект заканчивает серией зверств над своей жертвой; 2) жестокость предшествует копуляции; в этом случае жестокость восстанавливает потенцию, уже ослабленную или исчезнувшую; 3) копуляция не имеет места и она замещается жестокостью; это садизм в собственном смысле слова, где жестокость является эквивалентом половой любви. Меньшую часть составляют случаи, где половое возбуждение вызывается не путем совершения поступков, приносящих вред другим¹⁸, но только при созерцании подобных сцен жестокости и даже только при представлении подобных сцен.

В плоскости нашей проблемы эти последние случаи особенно поучительны; все же мы не цитируем их более пространно; их легко можно найти в классической монографии Крафт-Эбинга (*Psychopathia sexualis*, 1893); и в сочинении Эйленбурга (*Sexuale neuropathic*, 1896); мы не можем все же не остановиться на одном очень интересном случае Шульца (*Wiener medic. Wocheoschrift*, 1896, №49)¹⁹, где мужчина 28 лет мог иметь сексуальные отношения с женой только лишь искусственно приводя себя в состояние ярости.

Если бы мы хотели найти в анализированных фактах общие черты, то нам это удалось бы как в сущности этих двух эмоций, так и в их внешнем проявлении. Любовь и злоба представляют две большие страсти, которые приводят психомоторную сферу в состояние высшей степени напряжения. Во внешних проявлениях этих двух эмоций можно найти также много похожего, общего. Многие люди, в сущности здоровые, только несколько более пылкие и горячие, достигая кульминационной точки полового наслаждения, начинают кусать и царапать.

«Неограниченные возможности мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается; сходство акта половой любви и акта кровавой жестокости, сходство, обусловленное борьбой за первый поцелуй, борьбой за осквернение женщины кровью через разрушение ее эпидермиса, ее растление, сходство, обусловленное истинным или притворным сопротивлением женщины, наконец, переживанием победы, триумфа, унаследованным, может быть, с того времени, когда нападение и борьба предшествовали обладанию женщиной; все это, — говорит Курелла²⁰, — обуславливает некоторое родство между сладострастием и жестокостью, давно известное».

Период полового созревания, время появления первых менструаций у девочек есть не только пора более интенсивного религиозного чувства, о чем мы уже говорили в первой части нашей работы, но в этот период у девочек возникает также склонность к безмотивному убийству. По Дриллю²¹, это было известно уже со времен Гиппократа, склонность к убийству наблюдается также иногда в течение болезни половых органов у женщин (Азам). Дагоне²² наблюдал больную, у которой во время каждой менструации возникали импульсы к зверским убийствам; под влиянием этого предрасположения она убила трех своих детей. Икар собрал более двадцати случаев убийств, совершенных женщинами в период менструаций, убийств, совершенно непонятных и бесцельных: одна бонна убила двухлетнего ребенка, который находился под ее надзором; жена убила своего мужа, которого когда-то очень любила; мать убила своих детей; иногда женщина убивает первого встречного, словно она не может удержаться от убийства. О нескольких таких случаях сообщает Ковалевский²³. Наконец, у Ломброзо и Ферреро²⁴ есть указания, что некоторые преступницы совершали убийство в период менструаций.

Остановимся еще на некоторых соображениях физиологического характера, которые также говорят в пользу наличия связи между сладострастием и жестокостью. В «Физиологии» Рудольфа можно найти интересные наблюдения, свидетельствующие о том, что у кастратов, стариков и пораженных спинной сухоткой чувство свирепости и жестокости исчезает²⁵. Этому соответствует и тот общеизвестный факт, что быки, бывшие яростными и злыми, становятся после кастрации послушными и даже добрыми.

Сошлемся еще на один факт, много раз отмеченный, что раннее появление сексуального инстинкта, ранняя и

непрерывная мастурбация часто идут вместе с очень резко выраженной склонностью к злым выходкам и к экстраординарной свирепости. Ломброзо²⁶ заимствовал у Эскироля «один очень курьезный случай, в котором наряду с непристойными наклонностями наблюдалась отчасти ими же вызванная навязчивая идея убийства родителя. Субъект обладал ясным зрелым умом и был в то же время примером морального помешательства и криминальности».

Подобный случай описали Морро и Ломброзо (Archivio di psych, scienz. penal, II, 1883), когда у трехлетнего ребенка имелась наряду с мастурбацией выраженная склонность делать гадости. Несколько случаев того же рода имеются у Маньяна (De lenfance des criminels), так же как и у Шнепфа (Des aberrations du sentiment); особенно интересен случай Шарко и Маньяна (Inversion du sens genital, Arch, de Neurologic, 1882): мальчик шести лет предавался мастурбации и при этом в своем воображении он подвергал девочку всевозможным мучениям; он «ей вбивал в стопы гвозди, как это делают при подковывании лошадей, или он ей отрезал ноги».

Мы закончим эту часть нашего сочинения словами м-м де Ламбер²⁷ (Oeuvres morales, 1883): «В любви всегда есть некий род жестокости; удовольствия любовника получают не иначе как через боль любимой. Любовь питается слезами».

III

В необходимости установить родство между жестокостью и религиозным чувством мы утверждаемся по следующему соображению: два чувства, каждое из которых находится в родстве с третьим, должны быть родственны

между собой. Если мы смогли доказать связь между чувством религиозным и сексуальным (I), если далее нами доказана связь между жестокостью и сексуальным чувством (II), тогда мы, по-видимому, тем самым почти доказали связь между жестокостью и религиозным чувством (III). Тем не менее мы не имеем намерения удовлетвориться такой формальной аргументацией. Мы предпочитаем обратиться к словам другим.

«Что удивительно, — пишет Корре²⁸, — так это частота альянса религиозности и низших инстинктов. Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению; она иной раз даже дает предлог к тому и другому. Итальянские бандиты в своих экспедициях не забывают Мадонну подобно тому, как некогда флибустьеры большую часть их добычи прятали в церквах; испанские проститутки отдают свою постель под покровительство Девы; грешницы высшего света с полным равнодушием идут от исповедальни к ложу своих любовников.

Набожность, рожденная безотчетным страхом перед темными силами, которые человек назвал божественными и которым по интуиции его собственной природы он всегда приписывал больше жестокости, чем милосердия, развивается вместе с пониманием своего ничтожества в мире, почти неизвестном, она возникает как потребность в протекции у незащитного существа. До всякой цивилизации человек для достижения блага или только жалости Господа незримого и его спутников (духов), материализованных в самых устрашающих элементах или воплощенных в самых опасных зверях, прибегал к смиренной мольбе и спонтанным приношениям.

Основанная на страхе и на интересе, только путем очень непрямых действий религия проникла в цивилизацию. Это некое бессилие, которое парадоксальным обра-

зом служило иной раз рождению силы, как война, будучи отратительной вещью, может послужить иногда исправлению зла: то и другое имеет облик чувств самых великолепных наряду с самыми худшими.

Итак, вполне естественно, что церебральное свойство, на котором покоится религиозность, встречается и у некоторых наиболее закаленных личностей как показатель недостаточности, не угашенной социальным прогрессом. Встречается эта церебральная особенность и у индивидуумов, недостаточно уравновешенных, как проявление чувств, не регулируемых интеллектом. Религия и предрасудки (что для нас едино) мирятся с антиальтруизмом.

Если «добрый Самуил распилил заключенных между двумя досками»²⁹, если сыновья Аллаха, Саваофа и др. с большой выгодой заменили человеческое жертвоприношение массовыми убийствами язычников и в свою очередь — мусульмане — убийствами христиан; если ортодоксия и ересь, инквизиция и королевская власть покрыли кровью руины Европы, Америки и всего мира; «если святая рутина боролась против науки железом, огнем, застенками и отлучением от церкви, то это делалось в честь Отца всевышнего, во славу божью, его викариями и его привилегированными представителями. То хорошо, что приказано Господом; то плохо, что Богом отвергнуто: убийство, вероломство, если они предписаны, становятся высшей заслугой».

Просим прощения за столь длинные цитаты и возвращаемся к фактам. На 200 убийц-итальянцев Ферри не нашел ни одного нерелигиозного человека. В Неаполе, по сравнению со всеми другими городами Европы, установлено наибольшее число преступлений против личности; на 100000 жителей имеется 16 убийц, тогда как в остальной Италии не больше 8. В то же время Неаполь — наибо-

лее религиозный город в Европе. «Нигде, — сказал Гарофало, — не имеется такого несметного количества религиозных процессий, как в Неаполе; нигде все предписания церкви не исполняются с таким рвением, как там»³⁰.

Жоли³¹ пишет о Нормандии, где уважение ритуальной религиозности очень распространено, что там в то же время очень высока преступность; он приводит даже поговорку, имеющую хождение среди жителей Лозера: «у лозерьенца четки в одной руке и нож в другой».

Остановимся на некоторых отдельных фактах, заимствованных из сочинения Ломброзо «Преступный человек». Верцени, который задушил трех жен, выделялся среди самых усердных прихожан и исповедующихся; он происходил из семьи не только религиозной, но и ханжеской. Убийцы Бертольди, отец и сын, ежедневно присутствовали на мессе, стоя на коленях, преклонившись до земли. Богжия, приговоренный в Милане за 34 убийства, выстаивал мессу каждый день; он носил балдахин во время всех процессий святых таинств; он не пропускал ни одной церковной церемонии; он непрерывно проповедовал христианскую мораль и религию и стремился быть во всех религиозных объединениях. Марк... юный неаполитанец, убивший своего отца, был нагружен амулетами. Авелина в письме к своему сообщнику заметила, что своего мужа она отравила под божьим покровительством. Цамбеккари обещала принести в дар церкви Нотр-Дам де Лоретт чашу в том случае, если ей удастся отравить своего мужа. Мишеллин, одобряя план одного убийства, сказал своим сообщникам: «Я приду и сделаю то, на что вдохновляет Бог».

Лаколланж, душивший всех своих несчастных любовниц, которым он давал отпущение грехов в момент смерти, затем, выполняя их волю, совершал мессу.